

Санкт-Петербург, 2021

КНИГА ПЕРВАЯ

И
БОГ
МЕНЯ
КОСНУЛСЯ

ИСТОРИИ ОБ ОБРЕТЕНИИ ВЕРЫ
И СТАНОВЛЕНИИ ЦЕРКВИ

АЛИНА АЛЕКСЕЕВА

ББК 86.37
А47

*Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.*

Алексеева, Алина

А47 И Бог меня коснулся: Истории об обретении
веры и становлении церкви. — СПб.: Виссон, 2021. —
304 с.

Так много людей страдает от боли, утрат, сталкиваясь
с беспощадной жестокостью этого мира... Понапрасну сго-
рают их молодость, таланты, мечты и добрые намерения.
Кажется, нет избавления от бед. Но происходит чудо — рука
любящего Бога касается человеческого сердца, и всё вокруг
меняется. Приходит спасение. Как это бывает? Читайте
реальные истории, собранные в этой книге.

ББК 86.37

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Однажды я услышала историю, которая осталась надолго в памяти. Это история о том, как в одной европейской стране одна христианка, сидя за рабочим столом, вдруг подумала: «Господь благословил мою страну и меня. Мы живем в свободе, можем беспрепятственно прославлять Христа, ничто не мешает нашей вере. А ведь есть народы, которые подвергаются гонениям за право читать Библию, даже просто хранить Священное Писание у себя дома. Не отдельный человек, а целый народ лишен возможности через познание Слова Божьего и веру в Иисуса Христа обрести спасение. Так не должно быть!»

Подумав, она подошла к карте. Мир огромен! «Господи, покажи то место, куда мне надо отправиться, чтобы донести непросвещенным Благою весть». Она стала водить пальцем по карте и водила до тех пор, пока палец вдруг не застыл на месте, будто прирос к карте. Посмотрела. Палец остановился на Средней Азии. Она никогда не была в этой части мира. Что это за регион, какие народы населяют его? Она не знала. Господь знал и побуждал ее отправиться туда, чтобы там через нее действовал Иисус.

Это было время, когда поднялся железный занавес, отделявший СССР от всего остального мира.

Развал Союза, образование независимых республик, время открытых дверей. Вскоре она стояла перед людьми, о существовании которых раньше не знала. Она говорила им о любви Божьей, о том, что Господь желает, чтобы никто из них не погиб, но обрел жизнь вечную через веру в Сына Божьего Иисуса Христа. Слушавшие плакали, каялись. Она дарила им Новый Завет, христианскую литературу, раздавала гуманитарную помощь.

Я немало размышляла над историей европейки, отправившейся в Среднюю Азию, чтобы там благовествовать. Интересно было проследить, как действует Господь. Вначале Он находит христианку, побуждает ее идти туда, где духовная пустыня. Она благовествует пяти, десяти, потом сотне человек. Так закладывается фундамент национальной церкви. Уверовавшие несут Благоую весть дальше, своим родственникам, друзьям, знакомым. Образуются и растут христианские общины, регистрируются церкви, в которых проповедуют на родном, понятном для народа этой страны языке.

В дальнейшем Господь продолжает собирать новые церкви буквально по крупице, приводя в них кающихся грешников. Нередко не самых лучших из людей — бывших наркоманов, проституток, воров, насильников, неудавшихся самоубийц... От сотворения мира и по сей день мало что меняется в духовной жизни. Как во времена Ноя и Лота люди сходились, пили, веселились, забывая о Боге, так и теперь безрассудно полагают, что все в их жизни зависит только от них самих. Оттого так много печального и страшного мы видим. Как во дни земной жизни Иисуса, так и сейчас во врачах, в исцелении нуждаются

больные. В Божьей помощи нуждаются прежде всего грешники.

Трудно поверить, что даже самых отъявленных грешников Бог создавал для Себя, для достижения Своих благих целей. Но потом что-то в заложенном фундаменте треснуло, события пошли не так. И вот талантливого, подающего надежды юношу находят мертвым от передозировки наркотиков. Одаренного музыканта убивают в уличной драке. Молодая прекрасная девушка, едва распутившийся бутон, избита, изнасилована и покончила с собой. Другая женщина, мать троих детей, не выдержав издевательств мужа-тирана, топит свою боль в алкоголе, ее дети брошены. Как часто, увы, приходится наблюдать все это и многое другое, страшное, печальное, чудовищное! Как много людей испытывают боль, переживают утраты, сталкиваются с жестокостью, беспощадной реальностью, в которой сгорают их молодость, таланты, мечты и добрые намерения! Суровые обстоятельства подталкивают их к пропасти, падение в которую неизбежно.

Обездоленные и несчастные отчаянно барахтаются, пытаясь собственными силами выбраться из пучины бед, избавиться от преследующих их неприятностей, однако силенок не хватает. Они похожи на кораблики, застигнутые штормом. Стихия играючи кидает их из стороны в сторону и опрокидывает. Кораблики тонут или разбиваются о скалы.

Сколько таких трагедий! Каждый день смерть безвременно уносит тысячи жизней. Наркотики, убийства и самоубийства, болезни, несчастные случаи... Люди попадают в дьявольские сети, ходят кривыми дорогами греха, не в силах вырваться на свободу.

И, что самое страшное, погибают, не примирившись с Богом. Никто не сказал им, что Бог любит их и желает их спасения. С этой мыслью христианка из благополучной Европы приехала в Среднюю Азию, чтобы исправить такое положение вещей. И многое сделала для этого.

Самая удивительная и прекрасная история на земле — это история примирения человека с его Создателем. История оправдания Богом грешников, спасения обреченных на гибель. Все меняется лишь тогда, когда они открывают свое сердце, чтобы признать Христа своим Спасителем. Драгоценные в глазах Бога спасенные души. Такими они становятся после того, как Бог касается их сердец, Христос становится их Господом.

Невидимая рука Отца касается людских сердец нежно, нередко незаметно для самих людей. Потом приходит осознание, что именно эта нежная рука Отца выхватила из убийственной стихии, не природной, а стихии человеческих страстей, пороков и грехов. Она вырывает грешника из тьмы и выводит на свет Божий. Происходит чудо. Внезапно останавливается уличная драка с поножовщиной, пропащий алкоголик отказывается от спиртного, наркоман — от наркотиков, изнасилованная женщина вытаскивает себя из петли, нерадивая мать возвращается к своим детям, считавший себя бездарным открывает в себе таланты, начинает творить, жестокий и злой становится милосердным, кривое — прямым, больное — здоровым, отвратительное — благословенным.

Божья сила действует, свет достигает самых потаенных уголков людских сердец, освещая то, что

часто прячут, не хотят видеть, но это спрятанное бо-лит и кровоточит. Свет живителен, он врачует раны, поднимает упавшего, а когда человек вновь способен идти, показывает верную дорогу. Бог касается сердец, в этом и заключается удивительная и прекрасная история примирения людей с их Создателем.

Господь творит чудеса. Одним из таких чудес я считаю мое знакомство с теми, кто обрел христианскую веру благодаря упорной работе европейской миссионерки. Спустя время я повстречалась с этими людьми, попросила их поделиться свидетельствами об их покаянии. Они откликнулись, рассказали свои истории правдиво. Благодарю Господа за их открытые сердца. Однажды христианка, которая свидетельствовала о своем покаянии, спросила меня: «А как вы пришли к Богу? Расскажите, как вы покаялись». Откровенность в ответ на откровенность. «Если будете писать книгу, обязательно вставьте свое свидетельство», — сказала она, выслушав меня. Я пообещала ей сделать это.

Делюсь своей историей не потому, что считаю ее заслуживающей какого-то особого внимания. Повторюсь, каждая такая история, какой бы пустяковой она ни казалась, — драгоценность в глазах Божьих. Я дала обещание. Теперь исполняю его. Вкратце, не углубляясь в подробности.

До дома оставалось метров триста. Дойду ли я, дотащусь ли до кровати, чтобы упасть и лежать, не двигаясь? Последние силы на исходе. Двадцать второй день голода дает себя знать. Плоти не осталось, кожа да кости. Босоножки стали такими свободными, что я периодически выпадаю из них и костяшками стоп

чувствую раскаленный июльский асфальт. Дочь держит меня под локоть, значит, не упаду.

— Пстой! — говорит дочь.

Передышка хорошо, но лучше скорее домой. На дорожном столбе, возле которого мы остановились, наклеено объявление: «Церковь исцеления. Начало в 15:00».

— Нам туда, — говорит дочь.

Нет! Не могу! Хватит мучений! Хочу лечь и умереть.

Два месяца назад я заметила на груди подозрительную опухоль. Она имела форму голубинового яйца и росла на глазах. Врачи вариантов не оставили: только удалять. Предложили операцию. За два миллиона рублей.

Это было время распада СССР. Распада привычной жизни. Я осталась без работы, мужу третий месяц задерживали зарплату. Дефолт, рубль стал фантиком, скромные накопления нашей семьи одномоментно превратились в ничто. Какие два миллиона? Денег не хватало даже на продукты.

Это было время, когда в стране началось духовное пробуждение. После семидесяти лет атеизма народ потянулся к знаниям, которые властями порицались, осуждались как ненаучные и вредные. Христианские проповедники собирали стадионы и концертные залы. Сотни, тысячи услышавших Благоую весть калялись. Возникали новые церкви. Однако свободу говорить получили не только те, кто свидетельствовал о Боге, такой же свободой стали пользоваться маги, экстрасенсы, ведуньи, колдуньи и прочая братия, заявляющая о своих сверхъестественных способностях.

Денег на операцию у меня не было, но на целительницу я могла наскрести. Разумеется, от черных магов хватило ума держаться подальше. А вот целительница, заявлявшая, что видит мое биополе и с помощью духовных инструментов может отремонтировать его, была убедительна. Я согласилась начать лечение. Первым делом надо было поголодать. Сорок дней. Когда я это услышала, задала резонный вопрос:

— А я концы не отдам?

— Не отдашь, — твердо заявила целительница и подняла палец вверх: — Космос дает добро на твою голодовку.

Потом минут пять она делала руками какие-то пассы вдоль моего тела.

Голод давался мучительно. Я вела дневник голодания и считала дни. На десятый день после очередной процедуры у целительницы, обмахивающей меня руками, попросила:

— Можно прекратить голодовку?

— Нельзя, только хуже сделаешь. Если не вмоготу, иди в церковь.

В церкви, что на горé, я была. Ничего не изменилось, опухоль продолжала расти, а силы убывать. И вот я дошла до точки, стою у столба с объявлением, едва не падаю, а дочь убеждает:

— Надо идти в церковь.

Не могу, не хочу! Я еле передвигаю ноги. Оставьте все меня, дайте дойти до дома и спокойно умереть. Дочь тянет меня в сторону. Мы добираемся до Дома культуры. Зал полон. На передних рядах больные, кого-то принесли на носилках, кто-то в инвалидном кресле. На сцене появляется парень в джинсах,

клетчатой рубаше, с гитарой. Поет о Боге, ему подпевает группа ничем не примечательных людей, молодых и пожилых — таких полно на улице. Это церковь?!

Я была на горé в церкви с золотыми куполами, батюшки там как батюшки, в облачении, церковным языком владеют. А это что за ребята на сцене? О Боге говорят как о своем приятеле. Но почему-то их слова бередят душу, плакать хочется. Звучит призыв выйти на сцену, раскаться в грехах, признать Христа Господом. Дочь толкает меня вперед. Ноги ватные, ступеньки крутые. Как же мне подняться? Какая-то сила вдруг вливается в мое немощное тело. Преодолеваю ступеньки. Осталось только преодолеть напавшую на меня немоту. Ком в горле, ни слова не могу из себя выдавить. Каким-то чудом произношу молитву покаяния и рыдаю.

Люди, которые пели о Боге, становятся кругом, я в центре. Они громко молятся, возлагают на меня руки. Я не чувствую своего тела, оно стало невесомым, я улетаю куда-то вверх, где яркий свет. Сердце замирает от теплого, ласкового прикосновения. «Ты спасена», — я не слышу этих слов, но почему-то знаю, что так и есть.

Вернулись с дочерью домой, муж смотрит на меня с тревогой. Так он смотрит на меня все время, что я болею. Говорю ему: «Бог исцелил меня, теперь я здорова».

Голос у меня слабый, и опухоль никуда не делась. Муж приходит в еще большее волнение. Не повредила ли я головой на почве голода?

С этого дня я стала постепенно выходить из голодовки и непрестанно повторять: «Христос грехи мои телом вознес на древо. Ранами Его я исцелилась».

Опухоль исчезла спустя два месяца. Без скальпеля, без медикаментов.

Такова моя история Божьего прикосновения, которое трудно передать словами. После этого жизнь меняется в корне, будто из одной системы координат перемещаешься в другую, удивительную, необычайную. Новые друзья, новые отношения, новое поле деятельности. Когда Иисус входит в нашу жизнь, мы горим желанием сделать для Господа что-то полезное. Окрепнув после голода, набравшись сил, я стала молиться о том, чтобы Господь использовал мои способности, всё, что я умею, для Своей славы. А что я умею? По образованию и роду деятельности журналист, работала в разных газетах. Можно ли этот опыт как-то применить в христианской жизни?

Еду на трамвае в центре Санкт-Петербурга, рядом с Петропавловской крепостью. Остановка, вагоновожатый объявляет: авария, трамвай дальше не пойдёт. Выхожу. Где я, что за улица? Вижу название улицы и вспоминаю, что здесь находится редакция одной христианской газеты, которую я читала. достаю газету из сумочки. Все верно: вот эта улица, вот этот дом, где располагается редакция. Постучала, мне отворили и приняли на работу. Трудилась ответственным редактором христианской газеты много лет. Господь посылал людей, которые делились своими свидетельствами о покаянии. Я записывала эти свидетельства, полагая, что когда-нибудь они могут лечь в основу книги про духовное преображение. Так накопилось немало интервью с людьми, которых, как и меня, спас Бог. Разные обстоятельства, разные судьбы и даже разные страны. Объединяет истории

одно: Бог коснулся всех этих людей. Благодаря их свидетельствам можно увидеть, как меняется после этого жизнь.

В данную книгу вошли истории, записанные в регионе, куда с Благой вестью в далекие девяностые отправилась европейская миссионерка. Почему именно они? Я называю героев этих историй героями веры, хотя сами они так о себе не думают. Они — яркий пример верности Христу. Национальные церкви, появившиеся благодаря деятельности и служению миссионеров, по сей день подвергаются гонениям. Христиан преследуют власти, они ощущают громадное давление со стороны родственников, друзей, в массе своей мусульман. Их вера постоянно проходит серьезные испытания. Об этом и хочется рассказать, чтобы как можно больше людей узнали о героях веры, через что им пришлось пройти и в какой духовной битве они участвуют сейчас.

Эта книга особенная. В ней много боли и слез. Но много света и радости. Ее герои открывали самые сокровенные уголки души, без утайки признавались в неприглядных поступках, совершенных в прошлом, когда в их жизни господствовал грех. Вместе мы сокрушались и вздыхали с облегчением от осознания, какая милость Божья была проявлена к грешникам. Неравнодушный читатель может испытать такие же чувства.

Прощаясь, я говорила им: «Дойдет дело до книги, ваши имена, отдельные обстоятельства, география будут изменены. Нельзя подвергать вас еще большей опасности». Каждый раз слышала в ответ: «Пишите все как есть. Мы ничего не боимся». Они научились непоколебимо стоять в гонениях. Сложные условия,

испытания считают нормой. Таков их выбор. Но есть другой выбор — не навлекать новых гонений, поводом для которых может послужить информация, собранная в книге. Поэтому не ищите среди героев книги своих знакомых. Они могут быть рядом, но в целях безопасности их подлинные имена скрыты. Изменены также некоторые обстоятельства их жизни, точно указывающие на местожительство, место работы и учебы детей.

Благодарю всех героев книги за их открытые сердца, за то, что делились сокровенным. Да послужит это ободрением для тех, кто будет читать их истории.

Алина Алексеева

1.

ЗЛОЙ... ДОБРЫЙ... СПАСЕННЫЙ АЗАМАТ

Если бы я случайно встретила его на улице, то подумала бы, какой замечательный типаж для роли Деда Мороза. Как пригодился бы человек с такой фактурной внешностью для устройства детских праздников на Рождество или Новый год! Доброе, улыбающееся лицо, широкие плечи, крепкое телосложение. Вся его фигура — это своеобразное послание, напоминающее, что существуют еще на белом свете надежность, опора, защита. За этой фигурой вполне можно спрятаться от тревог и забот.

Такие мысли рождаются, если смотришь на Азамата со стороны. Глядя на него, думаешь, он тот, кто может стать героем книги. Вот только захочет ли он откровенно рассказать о себе? Сколько раз бывало: начинаешь задавать «неудобные» вопросы (а как без них?), и человек замыкается, уходит в себя. Далеко не всем пришедшим к Богу и живущим потом в мире с Ним хочется вспоминать, какими они были раньше.

Прежде чем знакомиться с будущим героем, я внимательнее посмотрела на него издали. Первое впечатление о нем как о возможном кандидате на роль Деда Мороза или Санта-Клауса лишь

усилилось. Сантой его бы называли, если бы он жил на Западе. И честно говоря, «Санта» больше подходит Азамату, чем «Дед».

Он улыбается. Не как голливудский актер, показывая безупречные зубы. Он улыбается тихо, задумчиво, солнечной улыбкой, которая словно говорит: «Я добрый». Даже не так. Его улыбка — что-то вроде визитной карточки, на которой только одно предложение: «Я очень, очень добрый». Сразу представляешь, как он угощает детей изюмом и халвой и как счастливые от его доброты ребяташки стремятся взгромоздиться ему на колени. Колени у Азамата большие, крепкие, они могут принять много детей.

Образ Санта-Клауса подкрепляют пакеты в его руках. По тому, как привычно и ловко он обращается с ними, понимаешь, при нем всегда есть какие-нибудь подарки. Не только на Рождество. Всегда. В пакетах, как и полагается, все самое вкусное: орехи, сухофрукты, конфеты, печенье, мандарины... Чтобы было что дарить. Он не может не дарить. Случись непредвиденное — вдруг ничего не окажется в руках, чтобы подарить (хотя это трудно себе представить), он одарит своей ослепительной, солнечной улыбкой. Подарок, скажу вам, не меньшей ценности, чем сласти.

Да, Азамат — лучший Санта-Мороз своей страны. Это не мое определение. Так решили дети, тянущиеся к нему. А детей не проведешь! Однако Азамат притягивает своей добротой не только малышкой, но и взрослых. Сним хочется поговорить. Просто поговорить, без каких-либо подарков, хотя все, с кем он общается, подарки получают.

Узнав, кто я и что хочу услышать, Азамат смущается. Этот большой добрый мужчина говорит, что не тянет на роль героя книги и лучше будет, если я поговорю с кем-то другим. Но после недолгих уговоров и решающего слова «надо» соглашается рассказать о себе. Просто, без ложной скромности.

Он начинает свой рассказ, и поначалу мне трудно поверить в то, что я слышу. Образ Санты-Мороза распадается, тает на глазах, словно большой сугроб под лучами весеннего солнца. Передо мной уже сидит не добрый Санта, раздающий подарки детям и взрослым, а совсем другой человек. Со сложной судьбой, с испытаниями, которые мало кто способен вынести. С испытаниями, о которых уж точно мало кто знает и редко кто сталкивался. На долю Азамата они выпали.

Я родился в одном из сел в Ферганской долине. Среди гор и полей. Семья жила безбедно, папа — электрик и строитель, уважаемый человек на селе. Мама, как во всякой добропорядочной мусульманской семье, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Нас было шестеро: три сестры, два брата и я, самый младший. Мама болела. Мне было семь лет, когда она умерла. На этом мое счастливое детство кончилось. Дальше пошли трудности.

Потерять маму в таком возрасте — настоящая трагедия. Но никто этого, будучи ребенком, не осознаёт. Просто постоянно испытываешь боль и думаешь, как выжить.

Про себя могу сказать одно: мама до сих пор стоит перед моими глазами — красивая, очень добрая, хоть и слабая от болезни. Помню ее нежные руки, она

гладит меня по голове. Помню, я свалился с табурета, она прижимает меня к себе и напевает песенку. Мне уже не больно, а весело. Сама болела, но заботилась о нас постоянно, до последнего не прекращала работать. Я не видел, чтобы она лежала, всегда что-то делала по дому. В последнее время она испытывала сильные боли, помню, каким страдальческим было ее лицо. Вот только не помню, чтобы, несмотря на эту боль, она раздражалась, ссорилась с детьми. От нее исходила только любовь. Если бы не она, я бы, наверное, так и не узнал, что на свете есть настоящая большая любовь. Теперь понимаю, как мне повезло, еще мальчиком испытал на себе это удивительное чувство: меня могут любить просто так, ни за что. Даже если я провинился и сделал что-то плохое. Эту материнскую любовь мне удалось пронести по жизни, несмотря ни на что. Она много раз спасала меня.

Признание дается Азамату нелегко. Кажется, ничего особенного он не открыл. Для нас. Но для себя... Похоже, он сказал что-то важное, о чем раньше не задумывался. И теперь ему стало легче, он продолжает рассказывать о далеком горе более уверенно.

Мамы не стало, я оказался один-одинешенек, предоставлен сам себе. Чувствовал себя покинутым. Меня как могла опекала бабушка, которая и сама нуждалась в заботе. Папа все время на работе. Старшие братья и сестры быстро вылетели из родительского гнезда, у них своя жизнь. Самая старшая сестра была замужем, жила в семье мужа, две другие сестры ухаживали за двумя бабушками. Братья работали.

Как я уже говорил, наша семья была мусульманской. В четверг всегда читали Коран. Я знал весь Коран наизусть. Никто не учил меня арабскому, я просто запоминал все со слуха. Молился с детства. Тоска по маме была такой сильной, что мои молитвы были об одном: Аллах, сделай так, чтобы мама воскресла. Ведь это Ты почему-то забрал ее. Ты забрал, Ты можешь и вернуть. Я искренне верил, что если своими силами как-то угожу Богу, то снова увижу маму, закончатся мои страдания. Я придумывал, что бы такого сделать, чтобы мама воскресла. Молился, и вот пришла мысль: если я пронесу два полных чайника воды, не расплескав ни капельки, до мечети, то Бог оживит маму. Нести надо было полтора километра. Я пронес. Маму живой так и не увидел. «Почему?» — спрашивал я нашего имама. Он ответил: «Аллах знает».

Меня отдали на обучение этому имаму. Старался также в школе хорошо учиться. Мечтал стать врачом. Думал, если Аллах не помогает, может, врачи сделают так, чтобы мамы не умирали и маленькие дети не оставались сиротами.

Так я рос, видел хорошее и плохое. Видел, как отец ходит в мечеть, все правильно говорит, а дома — беспорядок, запущенность... Порядка не было не только в быту, но и в отношениях. Это я теперь понимаю, а тогда думал, что так и надо. Ребенок окружающую жизнь воспринимает как должное. Конечно, «неудобные» вопросы возникали. Почему папа хорошо зарабатывает, но обо мне не заботится? Почему не подойдет и даже не спросит: как дела, сынок, ел ты сегодня или не ел? Почему редко смотрит в мою сторону, будто я ему чужой? Эти вопросы повисали

в воздухе, а потом вообще стали неактуальны. Папа стал жить отдельно, с другой семьей. У него был большой дом, сад. Я же нередко по несколько дней видел только хлеб и воду. Старшему брату пожаловался, он предложил забраться к отцу в сад. Воровать у отца? Как можно, что такое предлагаешь, брат?

Брат тогда где-то подрабатывал, точно не скажу где. У него тоже денег всегда не хватало на еду, так он мне объяснял. А насчет того, чтобы забраться в сад к отцу, успокоил: это не воровство, отец сам бы дал, просто он о нашей нужде не знает, ему некогда. Он очень занят, у него другая семья, другие заботы. Но если он вдруг узнает, что нам нечего есть и поэтому мы забрались в его сад, то нам ничего не будет.

Мы пошли: я, брат и друг брата. Набрали фруктов: персиков, айвы, гранатов. Довольные, стали перебираться обратно, не подозревая, что по забору проложен провод, и он под напряжением. Туда перелезли через забор удачно, а обратно... Я нечаянно схватился за провод, и получил сильный удар током. Напряжение было такое, что я отлетел в сторону на метр. Лежал на земле и думал: сейчас я умираю, ну и хорошо, значит, скоро увижу маму. Брата и его друга просил: похороните меня рядом с мамой. Спасибо им, они меня не бросили. Просьбу похоронить с мамой проигнорировали, зато с километр тащили меня на себе до дома, к бабушке.

Папа, конечно, все узнал. Никак не отреагировал. Будто ничего и не произошло. Меня мучал вопрос: что отец думает обо мне, считает ли, что у него есть сын Азамат, или вычеркнул меня из своей памяти? Ведь он совсем не общался со мной, даже видеть не хотел, не то что помогать.

Меня грела мысль: вот стану врачом, буду лечить людей. Почему-то очень хотелось помогать людям, может, потому, что мне никто не помогал. После восьмого класса поехал поступать в училище. Учился я хорошо, и аттестат у меня был хороший. Считаю, что и вступительные экзамены я сдал хорошо, но, объявили, не прошел по конкурсу. Откуда тогда мне было знать, что конкурс выигрывают не аттестаты и знания, а деньги. Их у меня не было. Разочарование было ужасным. Не поступил — конец всему. Я пал духом, не знал, что дальше делать. Мне было пятнадцать лет. Я абсолютно не представлял, куда пойти, куда податься. Чувствовал себя никому не нужным. И рядом никого, кто бы мог поддержать в трудную минуту.

У большого, солнечного человека, произносящего эти слова, увлажняются глаза. Так бывает, когда мы трогаем какую-то болячку из прошлого. Казалось бы, давно забытую, навсегда похороненную под грузом событий минувших лет и наслоениями всякого рода происшествий. Оказывается, ничего подобного. Болячка-то жива-живехонька. Просто притаилась тихонько в глубине души. Но если тронешь ее, ой как больно снова!..

Да, никого. Семья большая, но я с детства болтался на ее обочине. Мне и в голову не приходило обратиться к родственникам за помощью. Не поступил — ну и что, не умер же. Как жить дальше, решай сам, не приставай по пустякам. И я решил: раз в мире столько несправедливости, надо с этим что-то делать, надо бороться, пойду в спорт, на бокс, буду

сильным и стану побеждать всех обидчиков. Победить вообще всех, кто вздумает идти против меня.

Нашел бесплатную секцию для детей и юношей. В те времена были еще такие. Начал заниматься рукопашным боем. Мне нравилось, и тренеры хвалили, говорили: ты парень не без способностей. Раз так, решил я, буду поступать в физкультурный институт. Там добьюсь многого. Поехал в Наманган, сдал экзамены и ждал зачисления, потому что сдал хорошо. Но и на этот раз мне сказали, что я провалился. Знающие люди объяснили: ты же денег не дал — на что тогда надеялся? Этот случай открыл глаза окончательно. Стал понимать, как работает система, построенная на подкупе. Коррупция была тогда ужасная, называлась блатом. У меня никакого блата не было и быть не могло, поэтому я был безнадежен в плане устройства в обществе на какое-то хорошее место. Неважно, какие у тебя знания и способности, если ты не имеешь денег или высокопоставленных родственников, не имеешь связей, никогда не осуществишь свои мечты, ничего не добьешься в жизни. А такому нищему, как я, даже и мечтать вредно. Опять передо мной тот же вопрос: куда пойти, куда податься? Пока думал, подошел призывной возраст.

Военкомат направил меня на учебу. Шесть месяцев отучился, получил водительские права и поехал служить в Россию. Меня направили во внутренние войска. Я попал в подразделение, где были представители многих национальностей: русские, украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, таджики, кого только не было, даже грек — о нем расскажу позже. Такая вот многонациональная разношерстная команда охраняла зоны, то есть места лишения сво-

боды, где находились преступники. Команда наша не отличалась дружелюбием, солдаты враждовали между собой, и не только по национальному признаку. Хотя в те времена разжигание межнациональной розни строго каралось и преследовалось, политика была направлена на укрепление дружбы между народами, все равно представители этих разных народов смотрели друг на друга косо и конфликты случались. Ссоры и «разборки» чаще всего возникали из-за места под солнцем: где лучше спать, кто больше и вкуснее будет есть, меньше работать. Тот, кто сильнее и наглее, считал себя пупом земли и хотел, чтобы все остальные подчинялись ему беспрекословно.

Несмотря на то что межнациональная рознь не поощрялась властями в лице наших командиров, наше подразделение было разделено на группы в основном по национальному признаку. Возникали землячества, куда принимали только своих. У нас командиром был туркмен. Маленький, юркий и ужасно злоющий. Он собрал ребят-азиатов и сказал: «Мусульмане, мы должны поддерживать друг друга. Кто не с нами, тот против нас». Так образовалась наша «опергруппа», и меня взяли в нее. Занятия рукопашным боем не прошли даром. Я хорошо дрался. Это оценил не только наш вождь-туркмен, но и начальники на зоне. Они вызывали и ставили задачу. А задача была всегда одна — умирять непокорных, подавлять несогласных, пресекать на корню любое непослушание. Методы сами знаете какие.

Была, скорее всего, и дедовщина — так тогда назывались неуставные отношения. Хотя в наших войсках, наверное, дедовщины в чистом виде не

было. У дедовщины более широкий охват армейской жизнедеятельности. Мы, то есть наша «опергруппа», действовали по команде сверху. Наш командир получал приказ и уже сам ставил нам задачу пойти «разобраться» с тем-то и тем-то. Мы шли и наказывали «провинившихся», избивали заключенных. Порой до полусмерти. Мы знали, что все делается с согласия и даже по прямой команде сверху, в основном по распоряжению начальников зоны.

Что я чувствовал, избивая людей? Поначалу чувствовал себя ужасно, спать не мог. Вот были у меня занятия вольной борьбой. Там мы учились драться и дрались жестоко. Но передо мной был достойный противник, который тоже был обучен и владел теми же приемами, что и я. Это была честная, справедливая борьба. В армии все было иначе. Возвращаясь к дедовщине, могу сказать, что приказ «наказать» действовал и в отношении военнослужащих, которые чем-то не угодили своим командирам. Такие приказы тоже выполнялись. Одного избивали двое или трое. Он был слаб и беззащитен. И чаще всего невиновен. Мы это знали.

Мы получали опыт жестокости, но без него невозможно было существовать. Как может чувствовать себя каратель, который точно знает, что «провинившийся» ни в чем не виновен, просто кто-то сводит с ним счеты или хочет подчинить его себе, сломить, сделать своим рабом? И делает это твоими руками. Нормальный человек будет чувствовать себя гадко. Но мы знали и другое. Мы прекрасно понимали: если не выполним приказ, окажемся на месте «провинившегося» и тогда расправа будет над нами. Выбора не было. Все просто: или ты их, или ты вмес-

то них. Потом от такой работы тупеешь, и тебя уже не трогают ни вид крови, ни чужая боль, ни крики, ни мольбы о пощаде.

Кроме того, были средства заглушить голос совести — все же душа болела. Не было никаких проблем с тем, чтобы, если захочется, выпить водки или покурить. Не только табака, были посерьезнее травки. Все знали, как и где их взять.

В нашей «опергруппе» были одни мусульмане. И вот парадокс. Да, мы знали, что наша религия против водки. Но мы считали, что здесь, в России, на такой службе мы не делаем греха, если таким образом снимаем стресс. Скорее всего, просто закрывали глаза на запрет. К тому же это не было выбором каждого в отдельности. Все пьют, курят, а я не буду? Как на меня посмотрят? Никто не мог противопоставлять себя коллективу.

Как я уже упоминал, в нашем многонациональном коллективе был один молодой грек. Все называли его Попандопуло. Прозвище, как потом оказалось, говорящее. Но тогда я не знал, что Попандопуло в дословном переводе с греческого означает «сын священника». Очень меня удивляло его поведение. Попандопуло был парень неслабый, физически хорошо развитый, бицепсы, трицепсы — все на месте. Он мог поднять нагруженную тумбочку и одной левой перенести ее на другое место.

Его все эксплуатировали, заставляли делать самую тяжелую и грязную работу: передвигать мебель в казарме, мыть пол в туалетах, стирать чужое белье... Он был хуже раба, на самой низшей ступени. Над ним издевались все кому не лень. Даже те, кто был слабее его и сам подвергался унижениям.

Попандопуло не был слабым и вполне мог дать отпор любому, но не давал. Вместо этого покорно выполнял все, к чему его принуждали. Такое поведение в коллективе, где уважали только кулак и силу, было по меньшей мере странным, даже, я бы сказал, абсурдным.

Как-то наш командир приказал ему почистить сапоги. Попандопуло начистил их до блеска, но командир был не в духе, со злости кинул ему сапог в лицо: плохо почистил, такой-сякой, исправляй, а то хуже будет. Попандопуло чистил ему сапоги до ночи. Я не выдержал, подошел к нему после этого и спросил: почему ты такой кроткий? Он ответил: потому что я христианин.

Помню, мне стало обидно за него, подумал: у меня есть сила, буду защищать обиженного. Я сказал ему: не подчиняйся больше никому, не делай за них ничего. Кто заставит тебя мыть пол, мне скажи, я с ним разберусь. Он поблагодарил, но ни разу не обратился за помощью. Ладно, думаю, все равно докопаюсь, почему ты, христианин, такой кроткий.

Попандопуло не жил с нами в казарме, только спать приходил. Спал на полу, на какой-то подстилке. Все его вещи были в каморке в свинарнике, где он работал и обитал большую часть времени. Там ему было спокойно, мусульмане не переступали порога свинарника. Однажды я залез в его каморку, знал, что Попандопуло моет туалет, его нет на месте. В свинарнике, конечно, вонь стояла ужасная, но в самой каморке было чисто, вещи аккуратно сложены. В его тумбочке я нашел книгу с крестом и в пластиковой обложке. Это была Библия. Открыл, полистал. Написана непонятным языком. Слова вроде

знакомые, но как их понимать?.. Тогда что-то шевельнулось в моей душе. Еще больше пожалел этого странного Попандопуло и решил, что всегда буду его защищать, огражу от любых нападков. Мысли появились тоже странные. Если все христиане такие, как Попандопуло, то почему мусульмане их ругают? Вот взять Попандопуло — он ничего плохого не делает, старается всех слушаться, желает всем мира.

Возникло даже желание поговорить с греком о его вере, больше узнать о книге с крестом. Да, такое желание было, но что-то сдерживало меня. Как подойти, спросить? Я ведь только жалел его. И жалел из чувства собственного превосходства. Хотел покровительствовать. Гордость не позволяла прийти к нему и сказать: приятель, не разъяснишь ли мне, про что там в твоей книге написано? Почему ты такой? Потому что быть таким приказывает тебе твоя книга?

Я считал тогда для себя позором подходить к Попандопуло, этому унижаемому всеми человеку, с вопросами. Показывать ему, что я чего-то не знаю, нуждаюсь в его разъяснениях. И все же встреча с этим человеком запала мне в душу.

После армии и приобретенного там опыта прямая дорога мне была в правоохранительные органы. Место работы — КПЗ, камера предварительного заключения в отделении милиции Кемеровской области. КПЗ — это такая яма, полная грязи. Окунаешься в эту грязь с головой, тормоза отказывают, начинаешь вести себя как вздумается. Доставляют задержанного, я его обыскиваю, изымаю все ценности: деньги, телефон, золотые украшения, кольца, цепи. Составляю акт, закрываю несчастного в клетке. Все ценности задержанного присваиваю себе. Если он

начинает «выступать», кричать, чего-то требовать, я захожу в клетку, матерю его на чем свет стоит, кулаками обрабатываю хорошенько. Не угомоняется — вырубаю так, что всю оставшуюся жизнь бунтовщик будет на лекарствах.

Всегда так делал. Никакой жалости. Считал, просто так в КПЗ не попадают. Попался, значит, преступник — пьяница, насильник или бандит. Вина не доказана, ну и что? Надо будет — докажут. С такими только кнут, никак иначе. Работал двое суток, трое отдыхал. Как отдыхал? Дома никогда не сидел. Братья гайшники всегда подбрасывали работенку. Сами понимаете какую. Исключительно грязную — по отъему денег у населения. Потом и откровенный криминал подтянулся в качестве работодателей. Мне звонили темные личности, давали конкретное задание: разобраться с тем-то, тогда-то. Шел, разбирался.

Мой родной брат, средний, тоже работал в милиции. ОМОН — отряд милиции особого назначения. Это еще хуже, то есть страшнее. В девять часов у них развод, поступает информация о происшествиях, где что случилось: воровство, нападение, убийство... Вся эта информация хранится у брата как предполагаемый источник дохода. Он тут же соображает, что можно с этого поиметь, как сведения превратить в деньги. У него рождается план, он звонит: давай подтягивайся, надо раскрутить барыгу.

Мы врывались в дома, избивали хозяев. Если женщины и дети не вели себя смирно и не подчинялись нашим приказам, им тоже попадало. Если хозяин был несговорчив, отказывался давать информацию, брат приказывал пытаться его. Брат был вообще без тормозов. Мне становилось страшно за него. Чем

дальше, тем больше страх отравлял душу. Что мы делаем, куда идем?..

Да, я знал, что можно творить все, что мы творили, безнаказанно. Если делать все грамотно, то бояться нечего. Система, в которой мы жили, это позволяла. Закон бездействовал. Чего и кого бояться? Но все равно было страшно. Сейчас скажу почему.

Я видел, что происходит с моим братом. Куда он катится? Он ни перед чем не останавливается. Проявляет неоправданную жестокость. Куда приведет этот путь? Он становился хуже преступников. Я не хотел идти таким путем, но понимал, что другой дороги нет и не будет.

Лицо Азамата может меняться, как вода в сосуде. Только что на эту воду падала серая тень, и она была темной, вязкой, как болотная жижа. Но вот на сосуд попал лучик света, вода всколыхнулась, задвигалась и стала прозрачной. Так и лицо Азамата. Оно просветлело, словно омытое волной новых воспоминаний.

Думаю, уже тогда Бог спасал меня. Я не знал Его, но Он не давал мне погибнуть, утонуть в болоте криминала. Вдруг получаю письмо от старшего брата, он пишет: папа стал совсем слепой, возвращайся, ухаживай за больным. Я не видел папу больше десяти лет. Все это время он не интересовался мной. Но наши традиции сильнее эмоций. Младший должен позаботиться о немощных родителях, иначе счастья не увидит — такой порядок. Я вернулся на родину, в Узбекистан. Опять вопрос: куда пойти? Хотя и не вопрос вовсе. Мне одна дорога — в милицию.

Родственники восстали, заявили, что категорически против. На границе, видите ли, беспорядки, туда правительство перебрасывает силы, чтобы порядок навести, многих милиционеров постреляли. Я послушал их, в милицию не пошел. А жить-то как-то надо, деньги зарабатывать. Устроился охранником. Сутки на работе, двое суток свободен. Есть два дня и две ночи. Что с ними делать? Днем можно спать, а ночью... воровать. Дурное дело нехитрое. Быстро нашлись приятели, предложили воровать стройматериалы на строительных объектах. Воровали и продавали. Кроме этого, за папой ухаживал, женился.

Азамат говорит о важных переменах в своей жизни — опеке над отцом, женитьбе — без особых эмоций, в порядке перечисления. Как будто это ничего не значащие события, обыденность, не стоящая внимания. Взятая опекать слепого отца — подумаешь какие пустяки! Учитывая, что отец его, когда был здоров, почти вычеркнул сына из своей жизни.

Женился — ничего особенного, как будто просто сходил в магазин. Был одинок, а потом рядом оказалась женщина, называемая женой. Что тут такого? А ведь эти события глобальны, многое меняют в жизни людей и в них самих. Разве может это быть не важным?

Да, у отца была другая семья, но никто из этой семьи не хотел ухаживать за ним, считали, что я должен. Справедливо это, несправедливо? Я должен был ухаживать, и всё. Папа все же по-своему любил меня. Во всяком случае, хотелось бы так думать. Он

знал, какой образ жизни я веду, переживал, хотел, чтобы я образумился. Как можно образумить непутевого мужчину? Женить его, и точка. Отец принял решение. А если отец решил, у меня не было выбора. Он сказал: есть хорошая девушка, ты должен на ней жениться. Папа сказал — сын послушался.

Женился ли я по любви? Ой-ёй-ёй! Вопрос вопросов! И, если честно, сам себе я его никогда не задавал, поэтому, наверное, и ответа не знаю. Папа приказал — я женился. Я послушный сын, сделал так, как он хотел. Он ведь желал мне добра, хотел, чтобы я исправился, стал жить как все порядочные люди.

Хорошие были планы, но папины надежды не оправдались. В результате ничего в моей жизни не поменялось. Я не приобрел новую профессию и в космос не слетал. Что умел, то и продолжал делать — дрался и воровал. То есть плыл по течению, особо не задумываясь, куда оно меня вынесет. Когда течение несет, мало кто вообще о чем-то задумывается. Надо, чтобы Бог стукнул, и стукнул хорошо, тогда начинаешь думать. Бог меня и стукнул. Чайником по голове. Сейчас объясню.

Я был женат, ухаживал за отцом, но старых привычек не оставлял. Приятели позовут: идем, в одном кишлаке свадьба, будем драться — я иду. У нас так: кто пришел на свадьбу — гость, прогнать нельзя. Даже если никто этого человека раньше в глаза не видел, знать не знает, он уважаемый гость, его надо накормить, напоить. Мы были такие незваные гости, которые приходили не для того, чтобы порадоваться, а для того, чтобы по-своему развлечься, то есть подраться. На каждой свадьбе устраивались драки — вот в чем заключалось развлечение, к тому

же это давало возможность подзаработать. Драки заказывали и за них платили. Меня всегда приглашали, я умел хорошо биться.

Как-то нас пригласили на одну такую свадьбу, и там я увидел красивую девушку, она мне понравилась, захотелось с ней потанцевать. Тут как тут нарисовались ее братья и друзья, говорят: ты нам не нравишься, лучше уйди по-хорошему. Я заартачился: вы кто такие, чтобы мне указывать? Они стали угрожать и прогонять грубо. Кого? Меня? Я, конечно, пустил в ход кулаки. Они особо не церемонились, огрели чайником по голове, я потерял сознание.

Очнулся на улице, голова в крови. Мне бы уgomониться и домой баиньки. Но как же, разве можно смириться с тем, что меня побили? И кто, какие-то сельские? Я вернулся, говорю: псы трусливые, идем драться, только по-честному, один на один. Они вышли, но по-честному не случилось, напали все разом, сильно избили.

Травмы я получил серьезные. Долго лечился и приходил в себя. Впервые столкнулся с тем, что нашелся кто-то сильнее меня. Меня избили и унизили, Бог допустил это. Стал думать о Боге, ведь это Он дает силу. Решил, буду Божьим человеком, буду читать Коран, ходить в мечеть, стану сильнее всех. Если я буду с Богом, никто не сможет меня победить.

В это время родилась моя дочь. Я оставил жену с ребенком, поехал в Ташкент. Решил начать новую жизнь.

В Ташкенте пошел работать в магазин подсобником. Разгружал товар, таскал тележки. Искал любую подработку: на стройке, у частных. Многие освоил по стройке, стал неплохим строителем. Главное тог-

да для меня было — это честно заработанные деньги, чистые. И прилежно служить Аллаху.

Я не пропускал ни одного намаза, пять раз в день, как положено благоверному мусульманину, стоял на молитве. Где бы ни работал, всегда находил возможность помолиться. Мусульман учат, что нельзя пропускать ни одной молитвы — это большой грех. Я верил, что если буду усиленно молиться, то Аллах сделает меня уважаемым человеком. Коран читал по несколько раз в день. Когда творил намаз, обещал Аллаху: никогда больше не буду брать грязных денег, не хочу больше такого, буду примерным мусульманином, добрым и хорошим.

Бывший хулиган постепенно превращался в честного работягу. Спустя какое-то время хорошо заработал. Денег хватило купить лавку у себя в кишлаке. Жена обрадовалась: давай иди торгуй, приноси деньги. Но я не стал ее слушать, наоборот, сам поставил ее торговать.

Потихоньку торговля пошла. Жена продавала, со временем мы стали зарабатывать хорошие деньги, неплохо поднялись. Авторитет мой тоже поднялся. Бывшие друзья приглашали по старой памяти подраться или своровать что-то, я отвечал им: нет, парни, не пойду, и вы с этим завязывайте. Давайте лучше пойдем со мной в мечеть. Кто-то соглашался, кто-то смеялся. Но я старался всех притащить с собой в мечеть.

Деньги Бог давал хорошие, и я много жертвовал, на кладбищах подавал людям, никогда не проходил мимо бедных, чтобы не дать им монету-две. Творил милостыню везде и сколько мог. Хотел все делать правильно, строго соблюдать мусульманские

обряды. Мечтал: стану настоящим мусульманином, сделаю хадж. Я много народа привел в мечеть, эти люди очень меня уважали, если что, стояли за меня горой.

Конечно, я радовался: вот какой я молодец, люди меня уважают. Мое рвение было замечено. Однажды ко мне подошел имам и предложил быть его помощником. Я был горд: вот чего я достиг своим старанием, от самого имама дождался похвалы и такого лестного предложения. Радоваться-то радовался, но и боязно было в то же время. Свои грехи я знал, старался от них избавиться. А грехи других людей кто знает, кроме них самих? Они молятся об отпущении своих грехов, повторяют за имамом молитвы. И бывает такое представление о грехах, что они падают на имама, если он молится об их прощении. То есть имам, когда молится за грешников, берет на себя их грехи. Если я буду молиться в мечети за грешных, то тоже буду брать на себя их грехи. А у меня и своих хватало. Поэтому было страшно идти служить помощником имама.

Лицо Азамата — вода в сосуде — опять потемнело. Какая-то туча наплыла, какие-то страшные воспоминания вырвались из глубин памяти. Что сделает с ними Азамат? Затолкает обратно, придавит толстенной крышкой, чтобы больше не своевольничали, не бередили душу? Азамат думает. Стоит ли озвучивать то, в чем и себе-то признаваться не хочется? Стоит ли говорить о том, что хотелось бы забыть навсегда, еще лучше — сделать так, чтобы его вообще не было? Азамат решается говорить.

Самая младшая из моих сестер, она на два года меня старше, поступила в институт. Училась и жила в городе. В субботу приезжала к нам и оставалась до понедельника. Она была добрая, заботливая, всегда старалась помочь по хозяйству. Когда она приезжала, будто солнышко поселялось в нашем доме. Мы там мало радости видели, редко улыбались друг другу, в доме было уныло и даже тоскливо. Отец болел все больше и больше. Я и жена постоянно думали о нашей торговой точке. Если и говорили друг с другом, то в основном про то, где взять товар подешевле, как продать его подороже. Как заработать больше денег.

Как-то сестра приехала весной, я работал в огороде. Она прибежала в красивом летнем платье, глаза блестят, солнце освещает ее стройную фигуру. Как водится, предложила: давай помогу. Смотрю на нее, в голове все помутилось, захотелось взять ее как женщину. Набросился, стал наваливаться на нее. Она сопротивлялась отчаянно, колотила меня по лицу. А мне все нипочем, сопротивление еще больше разжигало кровь, я готов был изнасиловать сестру. Не знаю, откуда у нее взялись силы, она толкнула меня и закричала: что делаешь, в мечеть ходишь, Бога не знаешь! Меня словно холодной водой окатили. О чем она, почему говорит, будто я Бога не знаю? В моем окружении считалось, переспать с женщиной — не такой уж большой грех. Да, мы ходили в мечеть, исправно молились, жертвовали, но полагали, что наша религия позволяет иметь не одну женщину, а столько, сколько ты можешь взять.

Бытовало мнение: если женщина не под контролем мужчины, можно воспользоваться ею — это

никакой не грех. Сестра показалась мне такой «бесхозной», к тому же очень привлекательной. Почему бы не воспользоваться обстоятельствами? Почему не сделать то, что захотелось в данный момент?

Сейчас я могу только благодарить Бога, что Он не допустил подобного кошмара в моей жизни. Сестра тогда, конечно, была потрясена, но ничего не стала говорить, просто вырвалась и убежала.

В следующую субботу сестра снова была у нас и первым делом дала мне книгу. Она называлась Инджил, то есть Новый Завет. Я знал, что это книга, рассказывающая об Иисусе Христе, и спросил, зачем она ее привезла. Зачем мне христианский Бог? Она ответила просто: читай, и познаешь Бога. Я покрутил книгу в руках, но открыть не решился. Принес Инджил в мечеть, показываю имаму, задаю вопрос: «Можно читать?» Имам ответил не сразу, подумал и сказал: «Инджил? Если интересно, можешь полистать». Потом добавил: «Все мы верим в единого Бога. Инджил и Коран говорят об одном и том же, о едином Боге. Но есть свои особенности. Ты можешь читать и то и другое, но помни, каждого человека в конце ждет суд за его выбор».

Я стал «листать» Инджил. Вспомнился Попандопуло с его книгой, на которой был такой же крест, как теперь на моей. Тогда, в армии, я тоже листал Библию, но ничего не мог понять. Станные слова, выражения. Теперь, читая Инджил, я стал понемногу понимать написанное. Слова проникали в душу. Казалось, кто-то заглядывает внутрь меня, трогает то больное, что не давало покоя.

Чтение Инджила рождало разные мысли. Вот я стал примерным мусульманином, не пропускал на-

мазов, всегда ходил в мечеть, много жертвовал, помогал бедным. Имам был мною доволен. Бизнес расширялся. Все было хорошо, но не ощущал я в душе той радости, от которой хочется летать. И на сердце было как-то тяжело, словно камень давил.

Я открывал Инджил, читал, и меня будто посторонний человек спрашивал: а с сестрой своей ты что хотел сделать? Как мог ты подумать, что для мусульманина это не грех? Мусульманин, не мусульманин — какая разница! Пусть кто угодно такое совершит — он преступник. Просто преступник.

Каждое утро я открывал свою лавку, приходили покупатели, я отпускал им товар, когда жена занималась дома по хозяйству, и ждал свободной минуты, чтобы почитать книгу с крестом. Чем больше читал, тем больше хотелось читать дальше. Эта книга показывала меня таким, какой я есть, я видел себя со стороны, как в зеркале. И это отражение мне не нравилось, бредило душу. Как теперь я это понимаю, Дух Святой стал работать внутри меня.

Я примерный мусульманин, а что делаю? Продаю водку, табак. Сам за день выкуриваю почти пачку сигарет. Спиртным торгую, и сам не дурак выпить, побаловаться пивком. А после работы, уже ночью, наливаю традиционные сто граммов водки. Для здоровья и хорошего сна. Ну и что такого, кому это мешает? Утром свежий как огурчик иду в мечеть.

Читаю дальше Инджил и думаю: зачем я пью? В книге написано: Иисус Христос пришел освободить от греха. Стал молиться: Всевышний, освободи меня. Я год читал. После чего стал смотреть по сторонам, приглядываться, как люди живут. Раньше меня вообще ничто подобное не волновало. Жил как

жилося, лишь бы мне хорошо было, до других дела нет. После чтения Инджила уже не смог так жить. Стал проверять людей. На какой предмет? На предмет, который больше всего меня волновал тогда: живут ли они по своей вере? Насколько их поведение соответствует Божьим повелениям, неважно, какому Богу они поклоняются.

Знал многих мусульман, которые читали Коран, ходили в мечеть, били себя кулаком в грудь и говорили: мы самые что ни на есть правовеверные. И я также хорошо знал, что эти истинно верующие не делают того, о чем заявляют. Получалось, я не встретил ни одного человека, который бы в точности исполнял все, что написано в Коране. Даже если он пять раз в день совершал намаз, не пропускал службу в мечети, постился, совершал хадж и прочее.

К тому времени мы похоронили отца. У нас такой порядок: если отца нет, за семью отвечает старший брат.

Старший брат любил меня, гордился мной, потому что я красиво читал Коран и слушался его во всем. Он был уважаемым человеком. У него была большая семья, большой дом, большое хозяйство. Он был хороший человек, говорил правильные слова. Хороший... напоказ. Днем. Это была такая дневная маска, очень красивая, многим она нравилась. Мне тоже. Вернее, я тогда не задумывался над этим. Все говорят, что брат — хороший человек. Ладно, пусть будет хороший. А то, что за этой маской скрывается его истинное лицо, так кому какое дело? И мне тоже дела нет. Это я так себя убеждал, потому что на душе было неспокойно, когда видел «другого» брата. Ночного. Свои темные делишки он проворачивал ночью.

Ночью открывались пороки моего брата: воровство, жестокость, хитрость, лживость. Он считал, обмануть кого-то — большая удача, значит, жизнь удалась, ты выиграл. Даже если обманул родного брата или друга. Договаривался с охранниками на стройках, те открывали ему склад, по сути, разрешали ему воровать. Или сами приносили к воротам то, что он заказывал. При расчете денег недодавал. Всегда платил меньше, чем договаривались. Или вообще не платил, говорил: расплачусь позже, но позже ничего не давал. Если охранники возмущались, он угрожал, что сдаст их начальству или ментам.

Брат нередко звал меня с собой. Он был старший, я не мог ему перечить. Он заменил отца, и я должен был ему подчиняться. Я делал то, что он требовал, но уже не молчал. Стал ему говорить: зачем воровать, черные дела не принесут счастья, потому что это грех, за который потом надо будет отвечать. Брат смеялся, мол, ты же Коран читаешь, а говоришь чепуху. Там про наши дела ничего не написано, с чего ты взял, что это грех? Мы не ворует, мы договариваемся. Договорились — все шито-крыто, никто не внакладе, всем хорошо.

Я уже неплохо знал Инджил и отвечал ему так, как было написано в книге с крестом. Почему ты идешь делать свои дела ночью, спрашивал я его. В священной книге говорится: тот, кто делает злое, ненавидит свет. Он любит темноту и выходит на промысел ночью, потому что боится света. Свет показывает его грязные дела, открывает правду. Если ты идешь на дело ночью, то хочешь скрыть правду. Если ты пойдешь среди бела дня, тебя могут поймать, ведь всем понятно, то, что ты делаешь, — грех. Брата мои слова

только злили. Он выходил из себя. Кричал: что ты о себе возомнил, самый умный стал? Я умолял его: не хочу воровать, не отправляй меня на такие дела, давай лучше машину тебе помою. Или что хочешь сделаю, только не заставляй воровать.

Переубедить брата было невозможно и отказать ему не получалось. Он звал меня, я шел, зная, что вместе с ним совершаю грех. После этого терял мир в душе. Каждый такой поход забирал столько душевных сил, что я открывал Инджил, читал и едва не плакал, книга обличала меня. Книга будто спрашивала: сколько ты еще будешь заниматься этим, плодить грехи?

С другой стороны, я присматривался и к тем, кто читал Библию. Сестра сказала: есть такие люди, познакомься с ними. Я стал приходить на собрания, где читали Библию, обсуждали, высказывались. Нередко на таких собраниях возникали споры. Люди горячились, устраивали настоящие словесные баталии, доходило до оскорблений и чуть ли не до драк. Ведь в кишлаке и его окрестностях люди живут на виду, в тесном соседстве, хорошо знают друг друга. Знают и о том, кто чем занимается по жизни. Ничего не стоит припомнить ближнему его грешок. И если этот ближний вдруг начнет выступать, его можно спросить: а ты кто такой, чтобы мне указывать? На себя посмотри.

Есть известные слова Иисуса Христа о том, что мы у других песчинку в глазу видим, а у себя бревна не замечаем. Насколько я знаю, каждый из нас страдает такой болезнью. Отсюда споры, распри. Когда они возникали в собрании людей, читающих Библию, меня это расстраивало больше, чем стычки

с братом. Старший брат отвергал Библию, не знал, к чему она призывает. Но люди, которым была открыта истина, почему так себя вели?

Я тоже стал выступать, говорить об Иисусе Христе, Который умер и через три дня воскрес, чтобы нас спасти и дать нам мир. Я говорил: люди, одумайтесь, Его распяли, Он никому не припомнил зла, всех прощал. Почему вы не прощаете? Люди опять спорили. Уже не между собой, все на меня переключались. Они решили: у Азамата крыша поехала. Нашлись такие, которые стали жаловаться старшему брату на мое плохое поведение.

Я метался между Библией и Кораном. Очень страдал, потому что мои духовные метания на тот момент ни к чему не приводили. Я искал истину, а поиски заводили в тупик. Печальный результат, опустошение в душе. В Инджиле говорится, что человек с двоящимися мыслями не тверд на пути своем. Я был таким человеком, запутавшимся, шатающимся. Я оглядывался по сторонам, искал опору, хотел понять, есть ли хоть один, живущий по вере. Не нашел ни одного человека, исполняющего Коран. Но и живущего по Библии тоже ни одного не обнаружил. Разочарование было огромным, просто не знал, в какую сторону идти дальше и что дальше читать: Библию или Коран.

Однажды повстречал на улице знакомую из собрания, где Библию читали. Она пригласила: приходите в наш дом, я накрою большой стол — дастархан, будут уважаемые гости. Было понятно, что это серьезное событие, люди собираются накрыть дастархан, как на праздник, ожидается прибытие важных гостей. Пропустить такое я не мог. Приехали четверо,

иностранцы, говорили по-английски, с ними переводчик был русский. Народу собралось много. Расположились у дастархана, стали угощаться. На столе плов, лагман, лепешки только что из тандыра и... водка. Народ стал есть, пить, а потом, естественно, курить и материться. Гости скромно сидели и смотрели на все это молча. Они только спросили: вы Библию читали? Наши отвечают: да, мы знаем учение, читали и Библию и Коран. Все плов покушали, повеселились, поматерились и разошлись, набрав вещей, — иностранцы привезли гуманитарную помощь.

Я водку не пил и повез гостей обратно за двадцать пять километров от нашего кишлака. Всю дорогу они пели песни. Таких песен я никогда не слышал. У меня внутри все задрожало, какая-то неожиданная радость пришла, хотелось петь вместе с ними, душа ликовала. Как теперь я это понимаю, Дух Святой тогда меня коснулся. Хорошо так коснулся. Я чувствовал, что стою перед чем-то необыкновенным. Еще шаг, и мне откроется дверь, за которой то, что я искал. Я понимал, что встретил людей, которые знают что-то важное.

Но обратиться к ним боялся. Кто они и кто я? Они поют песни, от которых все дрожит внутри. А я помогаю брату воровать, торгую водкой и табаком. Эти светлые люди должны презирать меня и не общаться со мной. И все же, когда мы приехали на место, я отважился и спросил, можно ли мне записать слова хотя бы одной песни. Они так обрадовались! Конечно, можно. Эта их радость зажгла во мне луч надежды. Ну, думаю, значит, не все еще потеряно со мной. Мне дали книжку с текстами песен и сказали, что

если я хочу, то мы можем видеться каждую неделю. Вот адрес, приходите в воскресенье.

Я стал ездить к ним. Это была домашняя церковь, там проходили воскресные богослужения, много пели. И я пел вместе с ними. Спустя какое-то время ко мне подошли, спросили: вы покайтесь, приняли Иисуса Христа в свое сердце? Нет, говорю, а как это делается? Мне объяснили: для примирения с Богом надо признать свою греховность, раскаяться в том, что отвергал Его, признать Иисуса Христа Спасителем. Я прочитал молитву покаяния.

Вода в сосуде посветлела. Уже не один лучик, а много-много лучей заискрились, заиграли на ней всеми цветами радуги. Будто солнце выглянуло из-за мрачных туч после дождя и осияло воду радостным светом. Так и лицо Азамата, вспоминающего свое покаяние, расцвело тихой улыбкой. Но вода... Переливающаяся красками вода выступила у него на глазах.

Трудно объяснить, почему люди, познавшие прощение Иисуса Христа, плачут от радости. Поэтому и слезы, вызванные этим воспоминанием Азамата, останутся без объяснений. Наверное, он и сам не сможет найти объяснений. Как и многие, уверовавшие во Христа.

Даже не знаю, как описать то, что происходило тогда в моей душе. Чувства нахлынули самые разные, мне и плакать хотелось, и радоваться. Самое главное: стало легко дышать, будто камень с души свалился. Почувствовал себя свободным. Захотелось бежать и кричать во весь голос, какой чудный

и славный Иисус. В эти радостные минуты Господь ясно показал мне Попандопуло. Я увидел этого человека в новом свете, понял, почему он так поступал, почему был кротким, не враждовал ни с кем, не мстил никому, отвечал любовью на грубости и злобу. Господь проговорил: ты хочешь быть как он, который есть раб Мой? Эти слова запали в душу. Да, Господи, помоги мне стать Твоим рабом!

В 1990 году я принял водное крещение.

Конечно, после крещения в жизни всё изменилось, да еще как! Если ты принимаешь Иисуса в свое сердце, не может быть иначе. Уже не ты живешь, а живущий в тебе Христос. Твоя жизнь принадлежит Господу, и все меняется. Первыми эти перемены видят твои ближние. Когда я покался, жена не понимала, что происходит. Все спрашивала: да что с тобой, ты какой-то не такой стал. Я не ходил, а летал, радость меня переполняла. Первым делом убрал из лавки алкоголь, табак. Жена всполошилась, мол, о чем ты думаешь?.. На пиве, водке хорошие деньги делали. На чем теперь зарабатывать будем? Господь покажет, говорю ей. Он не оставляет Своих детей без пропитания. Товар в лавке поменял, стал торговать сухофруктами, орехами. Доходы снизились, но на жизнь хватало.

Каждый день я читал Слово Божье. Стал говорить жене, что нам надо читать Писание вместе. Она поначалу отнекивалась, мол, я ничего не понимаю и зачем мне это надо. Я отвечал ей словами Писания, разъяснял то, что она не понимала. Жена вскоре покаялась. Я видел, как в моей семье исполняются Божьи обетования. Сказано же: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой. Большая

радость — знать, что спасен и ты, и твоя жена, и твои дети — весь твой дом.

Как я уже говорил, в кишлаке ничего не утаишь. Все всё быстро узнают. О нашей семье тоже весть разнеслась, что мы стали христианами. У жены было хорошее место, чтобы говорить о Христе. Она торговала, в нашу лавку приходили покупатели, она рассказывала им о Спасителе. Через какое-то время ко мне пришли три человека, спросили, как они могут принять Иисуса, признать Его Спасителем. Мы прочитали молитву покаяния. Это были первые три человека, которые через нашу с женой проповедь пришли ко Христу. И это было только начало. Мы поняли, что можем благовествовать, вести людей ко спасению, и стали делать это активно. Был такой внутренний подъем, огромное желание рассказывать всем, какой прекрасный у нас Господь. Душа летала.

Старший брат, как и другие, конечно же, знал про меня всё. Однако он думал, что я, как и раньше, занимаюсь глупостями. Сколько такое повторялось. Мол, почудит, поразвлекается со своей ерундой, и все будет по-старому, вернется в привычное русло. И вот настал день, когда брат в очередной раз позвал меня на ночные дела, а у меня откуда-то взялись силы твердо сказать ему «нет». Бог дал мне эти силы. Брат разозлился не на шутку, но на тот момент вздохнул, поджал губы, ладно, мол, проживем — увидим. Сделал вид, что смирился с моим выбором. Сказал только: иди своим путем, неси свой груз сам, без меня, и на помощь мою не надейся. Он говорил это с такой ненавистью, будто перед ним стоял не родной брат, а какой-то негодяй. Было такое ощущение, что он не слова в меня кидает, а огненные стрелы. Так

сильно он стал ненавидеть меня. Какое-то время он не общался со мной. Неужели оставил в покое? Это было так на него непохоже! Мои опасения подтвердились.

Месяца через три он объявился и начал с вопроса: ты почему в мечеть не ходишь? Я отвечал как есть, что уверовал в Господа Иисуса Христа и теперь Ему поклоняюсь. Видели бы вы, как изменилось лицо моего родного брата при этих словах! Его буквально затрясло от гнева. Он топал ногами, дух злобы корежил его. Это чужая религия, кричал он, я запрещаю тебе встречаться с неверными! Ты не будешь больше ходить в их собрания и не будешь наших людей сбивать с толку. Так он кричал долго.

В такие моменты самое лучшее — рассказать об Иисусе Христе, об обретении дара спасения, призвать к покаянию. Только это может остановить человека, одержимого духом злобы. Но в случае с моим братом это было невозможно. Он и слова не давал мне вставить, только кричал и брызгал слюной. Весь покраснел, я думал, с ним случится удар. Речь его стала бессвязной. Он много раз повторял, что дом, в котором я живу, — это его дом.

На самом деле это был дом нашего отца, который достался мне после его смерти, — вся семья была с этим согласна, ведь я ухаживал за отцом. Но брат наседал: дом мой, и ты в нем не будешь жить. Убирайся, сроку тебе неделя! Если не освободишь дом и не уберешься, пожалеешь. Убьют тебя и твою семью! Но если одумаешься, вернешься в ислам, продолжишь ходить в мечеть и читать Коран, то все будет как раньше. Так брат хотел мне показать, что он не злой, дает мне выбор, а все эти угрозы просто для того, чтобы я образумился и вернулся к правильной жизни.

Не буду хвалиться, будто я не испытывал страха, когда мой брат угрожал мне смертью. Да, потрясение было сильное. Но еще больше я боялся за свою семью. Я знал, что мой брат — человек жестокий, но не предполагал, что он дойдет до такого. Понятно, брат привык, что я всегда ему подчинялся, а когда встретил твердый отказ, был вне себя от ярости. Не мог смириться, принять тот факт, что бессилён повлиять на мой выбор, не может справиться со мной. Мне и обидно было, и жаль его одновременно. Он не принял мой выбор — ладно, но зачем уничтожать меня и мою семью?

Если я испугался, то жена моя пришла в ужас. У нее была истерика, я долго не мог ее успокоить. Женщины такие удары переносят очень плохо. Жена и дочь плакали, умоляли меня подчиниться брату. Я утешал их и говорил, что Господь, Которому мы теперь служим, не обещал нам спокойной жизни. Он предупреждал: Меня гнали, и вас будут гнать. Но это не значит, что Господь не будет нас защищать. Он даст силы преодолеть все напасти, Он благословляет.

Эти слова не очень-то утешили мою семью. Сам я тогда испытывал удивительные чувства, все смешалось внутри: и боль от нападок брата, и жалость к нему, и жалость к моей семье, которую обидели несправедливо. Но одновременно я почувствовал в себе силу, которой не было раньше. Не силу кулаков, на которую уповал когда-то и которую превозносил больше всего. А силу противостоять всей этой несправедливости происходящего. Силу бороться за свою веру, убеждения. Я знал, что не отступлю, не предам Христа, чего бы мне это ни стоило.

В то время у нас дома уже собирались люди, чтобы читать Библию, прославлять Бога, молиться. Приходила моя сестра, приходили те, кому мы с женой благовествовали и кто уверовал в Господа Иисуса — всего тридцать три человека. Мы собирались, как правило, вечером, после работы. Однажды собрание закончилось, люди начали расходиться по домам. Было уже темно, практически ночь, как вдруг прямо в окно комнаты, где мы сидели с женой, моей сестрой и дочерью, ударил свет, как от прожектора. И тут же раздался удар, стены задрожали. Женщины закричали от испуга. Вначале мы подумали, что это землетрясение. Бегом во двор, крикнул я, потому что если это землетрясение, то нельзя оставаться в доме. Я взял своего ребенка на руки, и мы выскочили в чем были. Дом сотряслся очень сильно, казалось, вот-вот развалится.

Когда мы оказались во дворе и поняли, что происходит, то стало еще страшнее. Дом разваливался не от землетрясения. Это мой брат уничтожал его. Он приехал на огромном КамАЗе с включенными фарами и методично бил в угол дома. Грохот стоял оглушительный. На переполох сбежались соседи и стали уговаривать брата остановиться. Брат кричал: люди, Азамат стал хуже собаки, он стал христианином, я убью его и его семью. Было впечатление, что он или одурманил себя чем-то, или обезумел. У него пена шла изо рта. Сидя за рулем, он сдавал назад, разгонялся и на скорости врезался в дом. Стекла из окон вылетели, в стене образовалась дыра. Соседи пытались его образумить, все напрасно, но они не побоялись встать на пути страшной машины. Брат не стал давить людей, выпрыгнул из кабины, сыпал

проклятиями. Соседи его связали. Полностью дом он не разрушил, но пообещал вернуться и довести свое дело до конца.

Через неделю он снова пришел. Жена с дочерью закрылись в доме, сидели и непрерывно молились. Я был вместе с ними. Брат стоял под дверью и требовал, чтобы я вышел. В руках у него было ружье. Он кричал: выходи, поговорим, обзывал и оскорблял, опять угрожал, что уничтожит меня и мою семью. Потом силы, видимо, у него кончились, он выстрелил в воздух и предупредил: даю тебе еще неделю, если не уберешься из кишлака, убью.

Ни до, ни после я не испытывал такого сильного психологического давления, как в те дни, когда родной брат пытался уничтожить меня и мою семью. Это невероятно тяжело и, наверное, будет непонятно тем, кто не пережил ничего подобного. Редко кто может устоять под таким натиском злых сил. К тому же исходящим от человека, родного по крови. В какие-то моменты, когда смертельная опасность угрожала ученикам Христа, Господь предлагал спастись бегством. Было понятно, что именно такой момент наступил. Но я все медлил, все еще на что-то надеялся.

Да, я до последнего не мог поверить, что брат приведет в действие свои угрозы, что он дойдет до последней черты. Прошла неделя, другая после того, как он приходил с ружьем, я его нигде не встречал. Это укрепляло меня в мыслях, что брат одумался. Однажды дверь моей лавки открылась, и я увидел на пороге родного брата. Такого, каким я знал его раньше. Не злобного и изрыгающего проклятия, а стремящегося мне навстречу с добрыми намерениями.

Он дружелюбно улыбался, говорил вежливо, интересовался, как идет торговля, все ли хорошо дома. Честно говоря, я очень обрадовался, чуть не плакал от счастья. Мой дорогой брат, родной человек наконец повернулся ко мне лицом, он больше не злится, не осуждает меня. Ведь его ненависть разъедала мне душу. Это ужасное чувство, даже объяснить сложно, понять его могут, наверное, те, кто сам пережил что-то подобное.

Он начал с хорошего, сказал: давай мириться, нельзя, чтобы братья враждовали. Пойдем ко мне домой, выпьем, поедим. Я ответил, что больше не употребляю алкоголь. Ну, так выпьем чаю, стал он меня уговаривать. И я согласился. Не успели мы зайти в его дом, как он схватил доску — заранее ее приготовил — и стал бить меня по голове, приговаривая: я же тебя просил, уйди из кишлака, уйди из кишлака, не послушал, получай, живым ты отсюда не выйдешь.

Не знаю, как мне удалось вырваться и убежать. Видимо, я еще нужен был Господу, Он спас, не дал погибнуть в тот час. Я шел домой, люди, глядя на меня, пугались, шарахались в стороны. Мое лицо заливала кровь, вся одежда была в крови. Еле-еле, кое-как дошел. Рана на голове была глубокая, кровь никак не останавливалась, но что удивительно, в душе был мир, покой. Будто не побои я перенес, а был обласкан Самим Господом Богом. Огорчало только то, что жена очень растерялась, плакала, не знала, что делать. Она позвала на помощь соседку. Та тоже испугалась, сказала, Азамат потерял много крови, может не выжить. Позвали другого соседа, тот на своей машине отвез в больницу. Рану зашили, с повязкой на голове ходил почти месяц. От сильной

кровопотери стал слабым, долго не мог работать. Жене пришлось за мной ухаживать и трудиться за двоих, наверное, тогда она и надорвалась, потом это сказалось на ее здоровье. И я и она, мы оба были в плачевном состоянии, испытывали порой такую слабость и усталость, что не могли двигаться. Но верно сказал апостол: когда я немощен, тогда силен. Мы, несмотря ни на что, не переставали возносить хвалу Богу, непрестанно молились. Дух Святой укреплял наши слабые тела, восстанавливал жизненные силы.

Бывали моменты, я начинал испытывать чувство вины перед женой. На какую жизнь я ее обрек? Зачем ей эти переживания и страдания? Признаюсь, раньше не было в моей голове таких мыслей, потому что и отношение к жене было другое. Равнодушное, что ли, безразличное. Я не задумывался над тем, что есть брак, каковы обязанности мужа по отношению к жене. Но когда обретаешь мир с Богом, меняется если не все, то очень многое. Когда я покался, у меня словно глаза открылись, я стал по-другому смотреть на жену. Это была уже не просто женщина рядом со мной, существующая для того, чтобы мне было комфортно и приятно. Я неожиданно осознал, что рядом немощный сосуд, нуждающийся в моей опеке, элементарной заботе. Стал понимать, что я отвечаю за нее.

Когда жена говорила: давай все бросим, уедем отсюда, я уже не отмахивался, стал прислушиваться к ней. Приходили сочувствующие нам люди и советовали обратиться в правоохранительные органы. Но даже дети у нас знают, что это бесполезно. В лучшем случае служители закона скажут: дела семейные, разбирайтесь в них сами, нас не впутывайте. Если

узнают, по какому поводу возник скандал, то займут сторону того, кто исповедует ислам, а христианина могут упрятать за решетку надолго. Для собственной безопасности лучше сидеть и помалкивать. Однако последний поступок брата переполнил чашу моего терпения. Я наконец отчетливо стал понимать, что он никогда не успокоится, будет и дальше искать случая, чтобы привести свои угрозы в действие, то есть не остановится, пока не уничтожит меня и мою семью. Я обратился к братьям из церкви, где покался. Они в один голос сказали: бери семью, уходи из своего кишлака, переезжайте в наш город.

Итак, надо было бросить всё: дом, лавку, друзей, родных — и отправиться в неизвестность. Но что нам оставалось? Господь усмотрел наш благополучный переезд. Как раз в это время одна сестра из городской церкви уехала, освободилась квартира. Я забрал семью, перевез ее в город. Квартира была небольшая, но очень удобная, она стала домашней церковью, где помещалось до семидесяти человек. Мы чувствовали себя как первые христиане, которые тоже собирались в своих домах.

Нас тоже окружал враждебный мир, где не признавали Христа, а христиан считали заблудшими, злодеями, террористами, кем угодно, даже извращенцами. Соседи смотрели на нас с подозрением, нелестно высказывались в наш адрес. Все это было неприятно, но сейчас я вспоминаю это время как благословенное. Жена забеременела, мы ждали второго ребенка. Двери нашего дома были открыты для тех, кто хотел покаяться. Меня рукоположили на пасторское служение, и собрания проходили с принятием причастия. Господь явил нам немало Своих

чудес, это укрепляло веру тех, кто был слаб духом. Ведь далеко не все из покаявшихся оставались верными Христу. На них, как и на меня и мою семью, давили родственники, друзья, называя нас неверными, предателями нашей религии, отщепенцами.

Не все выдерживали это давление. Но зато как укреплялась вера людей, когда Господь являл чудеса! Одним из таких чудес было исцеление смертельно больной бабушки. У нее был неоперабельный рак, она уже ходить не могла. Родственники приносили ее в собрание на своих руках. Мы молились за нее всем собранием. Отдельно мы с женой молились за нее ежедневно. И однажды эта бабушка пришла на службу своими ногами и поблагодарила Господа за исцеление. Узнав об этом, некоторые люди, уже покинувшие собрание, вернулись к нам.

Проводили мы дома и крещения. Прямо в ванной. Принявшие водное крещение свидетельствовали потом, как изменилась их жизнь, когда они обрели Христа. Эти свидетельства были самым драгоценным подарком для нас, они придавали сил переносить нападки окружающих.

Соседи стали прямым текстом требовать, чтобы мы прекратили сектантскую деятельность. Им не нравилось, что к нам люди ходят, что они поют «странные», на их взгляд, песни. Наверху, над нами, жила семья, глава которой действительно досаждал своим поведением. Он пил, скандалил, бил жену и детей. Нередко из его квартиры раздавались крики, женщина звала на помощь, дети плакали. Но это не волновало соседей. Они только против нашей церкви ополчились, стали жаловаться. И однажды во время службы к нам в дом пришла милиция. Так, что

здесь за собрание? По какому поводу собрались? Это противозаконно, предъявите документы и так далее. Люди стали разбегаться. У нас с женой и у всех, кто не успел убежать, забрали паспорта. Сказали: будем разбираться, приходите вечером за документами.

Но ни вечером, ни на следующий день паспорта не отдали. На вопрос, почему изъяли паспорта, они отвечали, что все делается по закону. Соседи жалуются, в их доме обосновалась террористическая организация, проводится проверка. Меня и жену тягали в милицию, допрос за допросом, грозились прийти с обыском. Я говорю: приходите, ищите, я ничего не нарушаю. Но дома мы собрали всю христианскую литературу, все, что указывало на нашу веру, и спрятали это в надежном месте. Читать и распространять такую литературу считается незаконным.

Жена должна была вот-вот родить, а ее вызывали на допросы и мучали. Слава Богу, несмотря на это она родила благополучно. Господь благословил нас второй дочерью. Девочка родилась крепкая, здоровенькая. Люди пришли поздравить нас, и снова милиция тут как тут, нагрянула в наш дом — соседи позаботились. Что такого я совершил, спрашиваю у милиционера, люди пришли только для того, чтобы поздравить меня с рождением ребенка. Ты христианин, сказали они, и этим все сказано. Мы можем повесить на тебя все дела, называемые «глухарями», и ты отправишься за решетку. Ты против нас ничего не можешь сделать.

Меня опять вызвали в милицию. На сей раз следователь попался хороший, он даже посочувствовал мне и посоветовал: уходи из города, тебе тут не дадут спокойной жизни, иди в кишлак, там спокойнее. Это

была хорошая идея. И хотя жалко было покидать устроенное жилье — мы только-только закончили ремонт, — разумнее было скрыться от недовольных соседей и милицейского контроля. Мы собрались и двинулись из города в отдаленный район. Немного пожили в одном месте, перебрались в другое. Переезжали с места на место, как кочевники. Господу это было угодно. Где бы мы ни были, мы проповедовали Христа, люди каялись. Наша кочевая жизнь была не напрасна, за это время много людей обратились ко Христу, приняли водное крещение. Сколько таких людей было, я не подсчитывал, наверное, человек пятьсот, не меньше. Крещение проводили везде, где есть вода, летом на реке, зимой в помещении ставили купель или, если была ванна, то крестили в ванне. Господь благословлял и по сей день благословляет, чтобы через нас люди приходили ко спасению. Удивительные истории происходили.

Однажды я вернулся в наше жилище, вижу, сидят две женщины. Жена говорит: это моя одноклассница и ее дочь. Старшая говорит: мы слышали, вы христиане. Может, ваш Христос поможет нашему горю? Обе женщины заплакали, когда начали рассказывать, как разрушилась семья дочери. Муж ее оказался наркоманом. Она выходила замуж за хорошего, доброго парня из приличной семьи, ничто не предвещало беды. Но едва ли не с первых дней совместной жизни выяснилось, что он наркозависимый и не собирается ни лечиться, ни меняться. А жена нужна была ему для того, чтобы требовать у нее деньги на наркотики, потому что собственная семья ему в этом отказала.

Он забирал все деньги, которые зарабатывала жена, и скрывался на неделю или на месяц, пока

деньги не кончались. Возвращался, снова требовал денег. Денег, еще денег — это превращало жизнь в кошмар. Если жена не давала, избивал ее и грозился убить. Ни уговоры, ни слезы на него не действовали. Его родная семья все знала, но предпочитала молчать, отстранилась. Посчитали, раз удачно женили его, пусть теперь с ним жена мучается. А дозы росли, и он требовал все больше и больше денег.

Такая печальная история. Я выслушал ее и спросил: а от нас-то вы чего хотите? Мы ведь не наркологи и не психологи. Женщины удивились: но вы же христиане, ваш Бог творит чудеса, помолитесь о нашей больной семье, о несчастном наркомане, ведь он и сам погибнет, и жену погубит. Молиться мы будем обязательно, ответил я, однако вы и сами можете что-то сделать. Иисус Христос пришел не разрушать, а восстанавливать. Он исцелял, больных делал здоровыми, прощал грехи. Женщину, страдавшую кровотечением, исцелил, когда она только прикоснулась к Нему. Но она прикоснулась с верой, зная, что Иисус исцелит ее. Одно для этого надо — вера. Иисус Христос — Сын Бога живого, Он желает, чтобы никто не погиб, ранами Его люди исцеляются. Я буду молиться, но и сами вы можете молиться. А как надо молиться, спросили они. Хорошо, говорю, я научу вас, но чтобы исполнились обетования, надо поверить Христу. А чтобы получить дар веры, надо покаяться. Обе женщины тут же покаялись. Они были доведены до отчаяния и готовы были что угодно сделать, лишь бы избавиться от своего горя.

С тех пор они приходили к нам регулярно, мы открывали Библию, я видел, как они все больше и больше укреплялись в вере, стали благовествовать

другим. И вот настал тот день, когда они пришли не одни, а с мужем дочери, несчастным наркоманом. За него мы молились, проливали слезы, и Господь ответил, вернул мужа жене, привел его домой. Женщины не могли нарадоваться, с трудом верили своему счастью. Некоторые говорили им: погодите радоваться, наркомания — такая страшная болезнь, лечению не поддается. Мол, видели мы таких излечившихся, рано или поздно они опять начинают колотиться, еще больше. Все это внушало женщинам сомнение, они жили в тревоге и ожидании чего-то страшного. Требовалось постоянно поддерживать их в вере, ободрять. Я говорил им, что надо читать Слово Божье ежедневно, не пропускать ни дня.

Господь милостив, со временем этот муж покался, принял Христа и тоже стал благовествовать. Вся семья стала христианской, они начали служить, и через их служение произошло покаяние всех, кто жил в этом кишлаке. Даже глава района, где был этот кишлак, покался. Такое мощное пробуждение мы видели, это было настоящее чудо!

Потом мы стали свидетелями еще большего чуда. Глава района взял Инджил, пошел в мечеть и стал там благовествовать. Мусульмане были в шоке, когда он, находясь в мечети, говорил, что Иисус Христос есть путь, истина и жизнь. Только Он — дверь, через которую можно прийти к Отцу, и никто не приходит к Богу, как только через Него. Глава района — большой авторитет, многие смотрят на него и идут за ним. Поэтому мы наблюдали небывалое массовое покаяние. Многие тогда пришли ко Христу.

Понятно, что подобные события не остаются в тени, силы зла восстают. Мусульманские фанатики

тут же заявили о себе, стали преследовать главу района, угрожать ему. Вначале они подходили осторожно, вежливо говорили: мы тебя уважаем, ты — власть, но ты встал не на тот путь, не надо продолжать, сбивать наших людей с толку, вовлекать их в чужую веру. Так начались гонения на христиан в том районе. Пять семей подвергались особым нападкам, им открыто говорили, чтобы они убирались из кишлака, мол, все равно мы вас выгоним, вам тут не жить. Христиане были поставлены в очень трудное положение. Они не могли выйти из дома. За стенами их ждала реальная расправа. Там собирались разъяренные толпы, натуральные головорезы. У них были ножи, огнестрельное оружие. Они бросали камни в окна, осыпали ругательствами христиан, кричали: выходите, мы будем вас убивать, насиловать ваших жен и дочерей. Фанатизм жесточайший!

Мы с женой тогда решили осесть в одном месте. Устали от бесконечных переездов, кочевой жизни. Еще и ребенок маленький на руках. Жена порой падала от изнеможения. Мне надо было кормить семью, я открыл торговлю. Днем работал, вечером, после работы, ездил по кишлакам. Я знал о событиях в кишлаке, где преследовали христиан, и собирался туда поехать. Это была первоочередная задача, которую я себе поставил. Но все как-то не получалось. В тот день тоже не складывалось: я завез новый товар, и народ набежал, торговля шла бойко, можно было хорошо заработать. Это было очень кстати, потому что семья сидела без денег, жена спрашивала, чем кормить детей. Итак, днем надо было хорошо поработать, ну а вечером, я решил, поеду, навещу

братьев и сестер по вере. Но на душе было беспокойно, голос внутри говорил: брось все и езжай.

Тот день я помню очень хорошо, как будто это было вчера. Я сказал жене: всё, закрываю лавку, надо ехать, ты поедешь со мной? Когда жена хорошо чувствовала себя, мы вместе ездили по кишлакам. Она тогда сильно удивилась: что происходит? Самый разгар торговли, народу в лавке полным-полно, а ты закрываешься. Самочувствие у нее было хорошее, но она сказала: не могу сейчас поехать, разве сам не видишь: прибраться надо, детей помыть, белье постирать, продуктов прикупить, раз деньги появились, еду буду готовить. Ладно, сказал я, оставайся, сам поеду. Меня в этот кишлак будто магнитом тянуло.

Еду. Издалека вижу, на самом краю кишлака народу собралось немерено, столько там и не жило никогда. Что за столпотворение? Может, чья-то богатая свадьба? Подъезжаю к дому, где христиане живут, они забаррикадировались. Меня увидели, впустили: давай заходи быстрее, слава Богу, ты пришел, мы молились, чтобы ты приехал. Толпа собралась, чтобы нас убить.

Азамат нахмурился, вспоминая события того дня. Дня, который, по его же словам, стоял у него перед глазами, как будто это было вчера. И как будто вчера он переживал за оставленную семью, испытывал страх и сомнения, но был готов встретить врага лицом к лицу и принять страдания за веру.

Не буду скрывать, первая мысль мелькнула — ой, зачем приехал, меня убьют вместе с ними, а кто будет

кормить мою семью, что будет с моими девочками и женой? Это была мысль по плоти, ветхий Адам во мне заговорил — куда от него денешься? Плоть говорила одно, но Дух Святой говорил другое: не бойся, Бог с тобой и с людьми, которые с тобой, успокой их. Я сказал: отдадим наши судьбы в руки Бога живого, давайте молиться. Мы встали на колени и начали молиться.

На улице толпы бесчинствовали все больше и больше, уже и выстрелы отдельные раздавались. Из мечети организовали трансляцию, хулили Христа, проклинали христиан. Громкость была такая, что и в соседнем районе, наверное, слышали. Каких только гадостей не говорили про христиан! Периодически звучали призывы: убейте неверных, их дочери и жены — грязные шлюхи, насилуйте их. Толпа была сильно возбуждена, мы знали, это головорезы, готовые броситься на христиан. Мы ждали последствий и непрестанно молились, читали псалмы. Мы просили: Господь, подготовь нас, когда придут за нашими душами. У меня внутри борьба, мысли о том, что никогда уже не увижу свою семью, дочерей, что придется погибнуть, а умирать не хочется. Люди смотрели на меня с надеждой, и я, несмотря на разлад в душе, говорил им: не надо бояться, Господь будет судить по справедливости. Христа гнали, и нас гонят, но если выстоим в вере, получим награду, которая дороже всего, что есть в этом мире.

Трансляция из мечети с хулой на Христа и угрозами не прекращалась. Час ждем в молитве. Молимся и ждем, что вот-вот за нами придут. Второй час. Нервы не у всех выдерживали: и плакали, и говорили, что лучше сдаться, покориться. Но понимали,

пощады не будет, так или иначе с христианами расправятся, чтобы другим был урок. С каждым часом напряжение нарастало. Четыре часа продолжалось хуление Христа и поток словесных помоев на головы христиан. И вдруг все стихло, толпы будто растворились. Мы еще молились до шести часов вечера, ожидая, что за нами придут. Но никто не пришел.

Невероятно! Неужели все кончилось? Неужели нас оставили в живых? Верилось с трудом. Наверняка головорезы задумали какое-то коварство, готовят западню. Помолившись, мы отправили брата: иди, аккуратно посмотри, кто на улице, разведай, все ли спокойно. Был уже поздний вечер. Брат вернулся и сказал, что дорога свободна.

Домой я вернулся ночью. Конечно, жена переживала, молилась за меня. А когда увидела, ахнула: Азамат, твоя голова совсем белая стала! За эти несколько часов я поседел.

Жизнь в том кишлаке, где хотели расправиться с христианами, оставалась напряженной. Семь семей жили как прокаженные, с ними никто не общался — полная изоляция. Страдали взрослые и дети. Один христианин не выдержал давления, вернулся в мечеть. У него была дочь плохо слышащая, у сына какое-то заболевание, дети нуждались во врачебной помощи. Эту помощь они могли не получить, так как семья была в изоляции. Им на улице нельзя было показаться, чтобы не услышать угрозы, оскорбления в свой адрес. Могли и камнем швырнуть. Даже в ребенка. Поэтому брат посчитал правильным вернуться в мечеть. Кто его осудит? К тому же он заверил, что Иисуса не предавал, Господь навсегда в его сердце, и в мечети он будет свидетельствовать о Христе.

Удивительные истории показывает нам Господь! Хотя бы то, что случилось с этой семьей. Есть в Писании слова, сложные для понимания людей, чья вера колеблется. Например, слова о том, что Господь пришел принести не мир, а меч. То есть Господь может разделить, противопоставить убеждения близких друг другу людей. Такое противостояние может быть в одной семье. Что и произошло с братом и его слабо слышащей дочерью. Брат вернулся в ислам, но его дочь осталась с христианами. Мы молились за нее, и Господь открыл ее уши! Это было Божье чудо! Слух о чудесном исцелении именем Иисуса Христа разнесся далеко. Люди приходили отовсюду, большей частью за исцелением, но они калялись, обретали веру. Через год девушку взял замуж хороший парень, христианин. Все сложилось самым лучшим образом в судьбе этой девушки, а ведь она испытала на себе огромное давление со стороны своей семьи, особенно отцомусульманина. Что значит авторитет отца, у нас знают все. Если не подчиняешься, ты отверженный, все равно что прокаженный. Но она выстояла, не отступила от веры и обрела счастье.

Покажите мне человека, который любит неприятности и злоключения. Наверное, его долго придется искать. Люди стремятся жить в мире и покое. Моя семья, как все нормальные люди, тоже желает спокойной жизни. Однако мы хорошо понимаем, что нам, христианам, спокойно жить тут не дадут. В районе, где мы обосновались, у нас была домашняя церковь. Собирались христиане семьями, читали Библию, учили Писание. Рано или поздно спокойной жизни приходит конец. Фанатики прознали про нашу церковь, начались нападения. Мы встаем на молитву,

слышим, как пинают дверь, камни летят в окна, крики раздаются, что будут насиловать наших дочерей. Вызываем милицию. Милиция приезжает, хулиганов забирают, но через пять минут они снова на свободе и снова глумятся. Мол, как бы вы ни старались, мы будем делать все, что захотим. Убьем вас, нас все равно отпустят. Неужели непонятно, почему такая безнаказанность? Милиция сама натравливает их.

Милиционеры гонят христиан не хуже фанатиков. Обратился к ним за помощью — считай, навлек на себя беду. После нападения на наш дом они уже плотно за нас взялись. Пришли ночью с обыском. Свет включать не разрешили. С фонариками ходили. Нашли Библии, христианскую литературу. Говорят: это запрещенная литература. Конфисковали. Вместе с литературой конфисковали и компьютер. Потом снова приходили с обыском, мало чего нашли, но оштрафовали. Не хочу обвинять, доказательств нет, однако повторяюсь, логика событий подсказывает, что милиция сама преследует христиан, натравливает на нас разных негодяев, которые звонят по телефону, угрожают. Откуда эти люди знают мой номер или номер моей жены, дочери? Присылают эсэмэски, в которых пишут гадости. Женская психика не выдерживает таких ударов. Начались проблемы со здоровьем у жены и у дочери.

Жена в депрессии, болеет. Дочь стала таять на глазах. Обратились к докторам. Обследования, анализы... Врачи сказали: вашей дочери осталось два года жизни. Откуда это известно, спрашиваем. Они вывели целую теорию, ссылались на научные данные. Точного диагноза нет, но лечение назначили на миллионы. Сказали, надо пробовать разные методы.

Дочь ответила: не верю докторам, пусть что хотят говорят, а я буду жить. Вот так и живем до сих пор. Молимся, просим самого лучшего врача, Господа Бога, даровать здоровье. И Господь верен! Диагноза нет, как лечить больную, врачи не знают, но дочь живет и работает во славу Господа. Сейчас она ведет детское служение в церкви, занимается музыкой, изучает психологию.

Возвращаясь к тем временам, когда нас преследовали, признаюсь, я тогда пал духом. Жена болеет, дочь болеет, работать не дают, обысками замучили. Опять надо сниматься с места, искать новый дом. И такой дом нашелся в Ташкентской области. Вначале нас приютил один брат, мы жили у него. Потом потихоньку я стал строить свой дом, мне помогали братья-христиане. Прошло два года, я после всех потрясений пришел в себя, восстановился, Господь дал силы нести служение в нашем доме. Это домашняя церковь, где верующие собираются, чтобы прославлять Господа. Все бы хорошо, вот только состояние жены дает повод для усиленной молитвы. Она всегда была очень чувствительной, но я игнорировал это. Мое отношение к ней во многом поменялось, когда я уверовал. И все же оставались какие-то неразрушенные Христом твердыни из прежней жизни. Стремление диктовать, не учитывать ее просьбы, жалобы. Я говорил: давай собирайся, надо идти на служение. Она отвечала, что плохо чувствует себя, не может пойти со мной. Просила: иди сам, а я потом приду. Но не приходила вообще. Я расстраивался, думал, она притворяется, и на душе было тяжело от этого. Но Господь показал, что я заблуждался, вел себя как неразумный муж. Жене становилось все хуже и хуже,

она стала терять память, могла перепутать день и ночь. Врачи посадили ее на таблетки. Не уверен, что они помогают, потому что от них жена становится слабой, много лежит.

Думаю, теперь я лучше стал понимать жену. Нередко я сожалею, что жизнь со мной доставила ей столько переживаний. Мы не знаем, что ждет нас впереди. Точно знаем одно: с Господом мы преодолели всё и, Бог даст, преодолеем еще многое, что нам уготовано.

Продолжаю молиться за жену, дочерей. И всех, чье сердце Господь расположит, прошу за нас молиться...

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	5
1. Злой... добрый... спасенный АЗАМАТ	17
2. Танцующая для Господа ЛЕЙЛА	68
3. Этот парень с гитарой ФЕДОР	106
4. Сын вольной степи КАМИЛ	140
5. Как «смотрящий» на зоне стал пастором ВАЛЕРИЙ	175
6. Боль, слезы и... счастье, подаренное Богом ЗУХРА	210
7. Хозяин дома открытых дверей КАРИМ	254